

НОВЫЕ ТЕКСТЫ

Д. Ю. Куракин, И. А. Латыпов

Экосистемы выбора: о некоторых ограничениях теории рационального выбора и стратегии их преодоления¹

КУРАКИН Дмитрий Юрьевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии, директор Центра социологии культуры, профессор Департамента образовательных программ Института образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Приглашённый профессор Департамента социологии и социальных исследований Университета Тренто. Аффилированный сотрудник Центра культур-социологии Йельского университета. Адрес: Италия, 38122, г. Тренто, ул. Джузеппе Верди, д. 26.

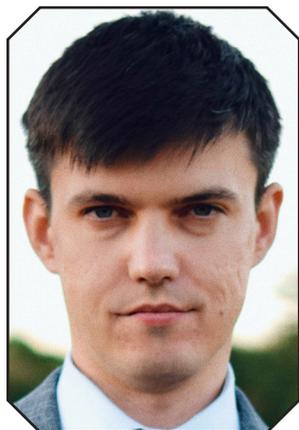
Email: dukurakin@hse.ru

В статье² предложена попытка пересмотра и усложнения концепции выбора в социологии, прежде всего в перспективе исследований неравенства. Несмотря на критику теорий рационального выбора и их известные ограничения, альтернативные теоретические взгляды на проблему выбора часто остаются на периферии, особенно в эмпирических исследованиях. Недавние продвижения в социологической теории и социологии культуры и познания позволяют по-новому проблематизировать этот влиятельный подход и сформулировать стратегию его усложнения и уточнения. Во-первых, традиционные подходы к выбору основаны на презумпции дефицита, тогда как в современной социальной жизни всё чаще на первый план выходит проблема избытка. Во-вторых, помимо качества выбора и действий самих индивидов, последствия выбора очень часто связаны с определённой долей удачи, которая не вписывается в существующие системы оценивания и легитимации. В исследованиях неравенства удача может рассматриваться как один из ключевых факторов выбора, так как привилегированные и непривилегированные индивиды сильно отличаются в способности преодолевать или минимизировать последствия неудач и, наоборот — пользоваться плодами удачных событий. Третий и наиболее важный аргумент в пользу уточнения проблемы выбора связан с прогрессом в нейрокогнитивных науках: исследования последних десятилетий показали, что многие наши решения принимаются субоптимально. На смену вычислительной теории познания приходит модель распределённого познания, согласно которой когнитивные процессы выходят далеко за пределы мозга. Наконец, современные исследования иногда выводят на первый план культурные процессы, в которых формируется выбор, и эмоциональное измерение этих процессов. В заключение авторы предлагают концептуальную стратегию, ставящую во главу угла не атомарные акты выбора, а целые «экосистемы», в которых формируется выбор.

Ключевые слова: выбор; неравенство; когнитивные процессы; культура; экосистема; эмоции.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Первоначальная, научно-популярная версия, лёгшая в основу работы над настоящей статьёй, была опубликована в интернет-издании IQ.HSE в 2021 г. (см.: <https://iq.hse.ru/news/474774462.html>).

ЛАТЫПОВ Ильяс Альбертович — преподаватель кафедры анализа социальных институтов, стажёр-исследователь Центра социологии культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: ialatypov@hse.ru

Введение

Наиболее влиятельная из поведенческих наук нашего времени — экономика — выстроена вокруг понятия «выбор». В своей жизни все люди постоянно что-то выбирают. Это касается и судьбоносных решений, таких как спутник жизни, профессия, страна проживания, способ управления активами, и неисчислимого количества «мелочей»: какую одежду носить и что читать, какие смотреть фильмы и какую слушать музыку, как добираться на работу, куда поехать в отпуск — вплоть до того, о чём думать и переживать.

Успехи экономистов в описании принципов потребительского поведения людей привели к тому, что именно экономическая транзакция стала парадигмой для самых разнообразных сфер жизни. Сообразно этому, теория рационального выбора стала эпистемологическим ядром не только самой экономики [Khalil 2017; Hudik 2019], но и оказавшейся под её влиянием социологии [Boudon 2003; Kroneberg, Kalter 2012; Diekmann 2022]. Социологи, изучающие самые разные явления (от криминального поведения до семьи и школы), выяснили, что поведение людей и групп в существенной степени определяется тем, какие блага и ресурсы им доступны. Это способствовало укреплению центрального положения проблемы неравенства во всей дисциплине [Abbott 2007; Куракин 2020]. Неравенство при этом понималось как проблема неравномерного доступа к благам и ресурсам.

Это обстоятельство существенно поднимает ставки теории рационального выбора в социологии, ведь она становится объяснительным ядром самых важных и масштабных социологических проблем — устройства социальной структуры и распределения образовательных возможностей [Breen, Goldthorpe 1997], неравенства [Чиркина 2018] и того, как в конкретном обществе в заданный исторический период устроены механизмы передачи привилегии [Хавенсон, Чиркина 2018]. Поскольку в современных обществах ключевым институтом передачи привилегии становится образование, чья значимость в этом процессе вытесняет даже прямое экономическое наследование³, именно в социологии образования сформировались наиболее развитые и востребованные объяснительные схемы, в основе которых лежала теория рационального выбора. Это привело к формированию ряда теорий среднего уровня, объясняющих основные механизмы того, как неравенство воспроизводится в образовании (притом что одна из центральных миссий образования — обратная — преодоление неравенства) [Куракин 2020: 172]. Так, на первый план вышли теория относительного избегания риска Дж. Голдторпа и Р. Бриана [Breen, Goldthorpe 1997], теория максимально поддерживаемого неравенства и теория эффективно поддерживаемого неравенства [Raftery, Hout 1993; Lucas 2009; Хавенсон, Чиркина 2018], теория первичных и вторичных эффектов неравенства [Boudon 1974; Jackson et al. 2007], теория компенсаторных преимуществ [Bernardi 2014] и др.

³ Наиболее знаковым примером являются исследования Дэниела Марковица, который показал на американских данных, что даже в верхнем сегменте экономического благосостояния главным механизмом наследования становится не простая передача активов по наследству, а вложения в элитное образование наследников, приводящие их к рабочим местам с шестизначными зарплатами (в долларах США в год) [Markovits 2019].

Многочисленные эмпирические исследования, проведённые в разных странах (в том числе в России) с опорой на эти теории подтвердили, что, при прочих равных, социально-экономическое положение родителей определяет последующий образовательный выбор учащегося. Такие результаты объясняются оценкой выгод и затрат, связанных с возможными альтернативами.

Развитие теорий рационального выбора в социологии даёт возможности для более широкого объяснения социальных феноменов. Р. Будон отмечал, что теории рационального выбора, в отличие от других психологических и социологических объяснений, дают конечное объяснение, в то время как эти последние включают «чёрные ящики». Например, коллективные убеждения могут быть описаны как продукты социализации, но само понятие «социализация» требует обнаружения механизма, лежащего в её основе [Boudon 2003: 3]. К тому же теории рационального выбора разнятся в уровне требований к рациональности (сильные или слабые требования к рациональности, фокусирование на процедурной или ситуационной рациональности) и по степени общности теории (общая или специальная теория действия) [Goldthorpe 1998]. Например, теория ограниченной рациональности имеет сильные требования к рациональности (рациональность целей и убеждений), в то время как в анализе ситуационной логики К. Поппера эти требования слабые (рациональность как уместность ситуации независимо от целей и убеждений) [Goldthorpe 1998: 171–172]. Несмотря на то что теория рационального выбора имеет ряд ограничений [Zafirovski 2018; Diekmann 2022], её объяснительный потенциал всё ещё преобладает в исследованиях неравенства [Becker, Hecken 2009; Thompson 2016; Чиркина 2018; Müller, Klein 2023].

Одно из ключевых преимуществ теории рационального выбора состоит в том, что это универсалистская теория. Между тем и выбор, и неравенство подвержены существенным историческим изменениям. Социолог Ульрих Бек в своё время проницательно заметил, что если в прежние времена возможность выбирать часто была привилегией, то теперь она всё больше и больше становится необходимостью, долгом и бременем, которое мы все вынуждены нести [Бек 2000: 192–201]. Выпускница девятого класса не может уклониться от выбора: идти ей в десятый класс или покинуть школу и поступать в колледж? Вне зависимости от того, насколько осознанным будет это решение, ей придётся нести ответственность за его последствия. И эта ответственность — не только фактическая (необходимость иметь дело с последствиями), но и моральная.

Отсылка к моральной стороне проблемы выводит нас на следующий уровень проблемы: речь идёт не только о фактическом влиянии более или менее удачных решений на последующую жизнь, но и о моральной ответственности, которая вменяется простирающимися всё шире сетями «распределения вины» [Бек 2000: 192–201]. Из-за «кастомизации» всех сфер жизни объём такого рода ответственности достигает невероятных пределов: «<...> Покупка кофе в магазинчике на углу способна порой стать вопросом участия в эксплуатации сельскохозяйственных рабочих в Южной Америке», — приводит пример Бек [Бек 2000: 201]. В философии и социологии эта проблема известна как социальная и материальная распределённость действия: любое человеческое действие, во-первых, представляет собой ансамбль социальных и материальных контекстов (простейший пример: выступающему с докладом или заявлением нужны трибуна и особая пространственная организация аудитории, а также авторитет статуса и ситуативная укоренённость, заставляющая многих присутствующих молча слушать его одного); во-вторых, эти контексты со-определяют сам смысл такого действия (вспомним о тех случаях, когда спонтанный жест случайно совпадает с запрещённым нацистским приветствием: в некоторых странах это может иметь даже юридические последствия).

В свою очередь, Ханна Арендт, говоря о «процессуальной» природе действия, подчёркивала, что любое наше действие укоренено во многих контекстах и запускает столько последствий, что возможность их полностью контролировать совершенно исключена. Последствия действия бесконечны,

они не могут быть ограничены даже смертностью действующего или «тленностью земной материи» [Арендт 2000: 309]: «<...> Даже собственный смысл того, что он сам делает, обнаруживается не ему, деятелю, но только направленному вспять взору будущего рассказчика его истории, то есть того, кто как раз *не* действует» [Арендт 2000: 310]. По этой причине одна из главных интриг нашей жизни состоит в том, что невозможность контролировать последствия наших действий не снимает с нас ответственности за их последствия [Арендт 2000: гл. 5]. В результате объём выборов, альтернатив, между которыми мы выбираем, возможных последствий и их оценки превышает всякие мыслимые когнитивные способности⁴ [Martin 2010: 236–237].

Можем ли мы в таких условиях по-прежнему полагаться на привычное, «классическое» понимание выбора, согласно которому он выступает как рациональный атомарный осмысленный акт, локализованный внутри действующего индивида (или даже в его голове), за которым в той или иной мере стоит калькуляция выгод и издержек относительно параметров ситуации? Ведь именно такая модель по-прежнему доминирует в эмпирических исследованиях, несмотря на давно сформулированную критику в отношении буквально каждой составляющей этой формулировки. Мы приведём несколько тезисов, исходя из которых следует усложнить модель и думать о выборе несколько иначе. И хотя теория рационального выбора остаётся успешной моделью, применяемой для решения множества задач, важно отчётливо видеть более широкую картину, чтобы адекватно понимать ограничения этого подхода в каждом конкретном случае.

От дефицита к избытку

Рассуждая об основах современных теорий действия, один из знаковых американских социологов, Эндрю Эбботт, приходит к революционному выводу. Социальные науки, включая экономику и социологию, всегда исходили из базового предположения, что фундаментальным контекстом человеческого действия является «дефицит», то есть недостаток благ или ресурсов, необходимых для успеха этого действия. Тогда как на самом деле нетрудно убедиться, что всё чаще на первый план выходит обратная проблема — избыток [Abbott 2014]. Причём избыток любого рода — информации, возможных сценариев действия, ресурсов, которыми нужно управлять, вещей, которыми необходимо распорядиться. Выбор в условиях избытка существенно отличается от выбора в условиях дефицита и даже в условиях достатка. Множество исследований показывают, что в условиях избытка процесс выбора занимает больше времени и сил и не всегда приводит к удовлетворительному результату [Iyengar, Lepper 1999; Schwartz et al. 2002; Chernev, Böckenholt, Goodman 2015].

Мир избытка представляет совсем другие вызовы и сценарии их преодоления, нежели привычные проблемы дефицита. В системах, управляемых избытком, значение каждого фактора зависит от состава комбинации, в которую он включён. Сложность выбора при избытке связана не только с наличием множества вариантов, но и с составом альтернатив. Если выбор состоит между альтернативами, дифференцированными по многим признакам, то это дополнительно его усложняет [Greifeneder, Scheibehenne, Kleber 2010]. Например, учёный, работающий в библиотеке, в которой несколько миллионов томов, составляя библиографию статьи, не может просто отобрать несколько десятков оптимально подходящих источников, ведь разумного способа определить их как наилучшие нет. Вместо этого каждый следующий источник подбирается исходя из того, что уже включено в список, то есть его ценность определяется тем, что уже вошло в библиографию [Abbott 2014]. Современные студенты, в отличие от людей старших поколений, находятся в ситуации множественного выбора — образовательных программ, элективных курсов, внеучебных занятий. Такое обилие альтернатив может породить сомнения в правильности выбора и стремление попробовать всё и сразу [Радаев 2022: 117].

⁴ На этом, к примеру, основана современная критика классической теории социализации, сформулированная в рамках социологии культуры и познания: культурные системы слишком сложны для весьма ограниченных когнитивных способностей человека, поэтому они не могут быть интериоризованы [Lizardo, Strand 2010].

Возможно, в силу той же причины — зависимости ценности элемента комбинации факторов от всего её состава и композиции — в последние годы в исследованиях неравенства набирает силу «интерсекциональный» подход, когда исследователи фокусируются на комбинации факторов (изучая, например, жизнь женщин из рабочего класса, понимают, что их положение вовсе не описывается «суммированием» эффектов переменных «гендер» и «класс») [Walby, Armstrong, Strid 2012]. По этой же причине и доступ к экономическим ресурсам при всей их универсальной значимости действует по-разному в разных жизненных средах.

С точки зрения выбора и неравенства это означает, что, хотя проблема доступа к возможностям по-прежнему стоит остро для многих, её решение уже вовсе не сулит счастливого избавления от проблемы неравенства и влекомых ею тягот, так как выясняется, что неравенство остаётся устойчивым, даже когда проблему доступа удастся решить: и в наиболее меритократических системах дети привилегированных людей чаще поступают в хорошие университеты и делают хорошие карьеры, а непривилегированные часто не пользуются не только существующими, но иногда и спроектированными специально для них возможностями⁵. Связано это с более сложной природой выбора, нежели предполагает теория рационального выбора. Вынужденный характер выбора и объём решений, которые приходится принимать в наше время любому человеку, делает само событие выбора весьма непохожим на то, что мы привыкли о нём думать.

Когнитивные искажения

В качестве парадигм для научного осмысления выбора чаще всего выступают игры с последовательными ходами и лабораторные мысленные эксперименты. Предполагается, что субъект выбора обладает ясным пониманием лежащих перед ним альтернатив и их последствий и путём акцентированного когнитивного усилия, направленного на вычисление выгод и издержек, принимает оптимальное в его или её системе координат и предпочтений решение⁶.

Давно известно, что применительно к реальным жизненным выборам это не так почти всегда [Радаев 2005: 17–62; Соколов 2019]. Богатая традиция, идущая от Д. Канемана и А. Тверски, показывает, что выбор асимметричен: люди больше боятся проиграть (и потом сожалеть об этом), нежели стремятся выиграть (с точки зрения математически определённой оптимизации выгод и издержек, это нерационально [Соколов 2019; Канеман 2020]). Также исследования показывают, что выбор часто зависит не от способности рационально рассуждать, но от множества других компетенций и когнитивных способностей. Так, способность более точно работать с цифрами позволяет лучше ориентироваться в интерпретации фактов и восприятию риска [Skagerlund et al. 2022].

Вопрос о том, как наши когнитивные способности влияют на принятие решений и действия, лежит между конкретными экспериментальными исследованиями мозга и различными теоретическими моделями познания. В основе традиционной когнитивной науки находится репрезентативно-вычислительная модель познания, согласно которой познание есть разновидность обработки информации, и заключается эта обработка информации «в синтетически управляемом манипулировании репрезентативными ментальными структурами» [Walter 2014: 241]. С этой точки зрения когнитивные процессы происходят исключительно в мозгу, поэтому объяснение нужно искать именно в исследованиях процессов мозга, а парадигмой объяснения будут процессы приёма и обработки информации в цифровом компьютере.

⁵ Или пользуются такими возможностями менее эффективно; см., например: [Yastrebov, Kosyakova, Kurakin 2018].

⁶ Используемое нами унифицирующее обобщение в отношении, вообще говоря, весьма разнородного объекта — «теория рационального выбора» — предположительно отражает широко применяемый в эмпирических исследованиях набор предпосылок и в целом соответствует так называемой стандартной модели рационального выбора, центральными постулатами которой являются полнота, транзитивность и независимость от привходящих альтернатив (см., например: [Ernakoff 2021: 166–167]).

Исследования, проведённые в нейрокогнитивных науках и активно интерпретируемые философами и поведенческими учёными в течение последней пары десятилетий, выявили фундаментальные изъяны этой модели. В наиболее ёмком виде контраргументы собраны под зонтичным заглавием 4E-моделей познания (каждое из четырёх *E* отсылает к соответствующему свойству познания: *embodied* — телесно-воплощённое; *embedded* — укоренённое; *enacted* — энактивное; *extended* — расширенное). Согласно этим подходам, познание не может быть изолированным и абстрактным и связанным только с процессами мозга [Newen, Gallagher, De Bruin 2018]. Многие когнитивные феномены связаны не только с работой мозга, но и с активными телесными процессами и взаимодействием с окружающей средой. Представим себе человека, перемножающего два трёхзначных числа. Для большинства людей проделать это в уме — практически невыполнимая задача, но многие с лёгкостью справляются с ней, если им предоставят ручку и бумагу, которые, таким образом, участвуют в распределённом процессе познания (а если числа будут пятизначными, возможно, в познавательный процесс придётся включить также стол и стул). Недавние исследования, вдохновлённые постгеномной биологией, показывают, что на познание и восприятие существенно влияет даже микробиом [Ignatow 2022].

Важность приобретает вопрос, конституируется ли когнитивный процесс внетелесными процессами (сильная версия 4E-свойств) или просто зависит от них (слабая версия 4E-свойств), и не исключено, что ответ на него поможет по-новому описать процесс выбора [Newen, Gallagher, De Bruin 2018]. Таким образом, с точки зрения репрезентативно-вычислительной модели процесс выбора связан с эксклюзивной ролью процессов мозга, а с точки зрения 4E-моделей познания процесс выбора включает (конститутивно или причинно) такие свойства познания, как воплощённость и укоренённость в ситуации восприятия, распределённость и включённость в действие. Соперничество этих двух моделей может существенно повлиять на наше понимание процесса выбора. В целом в научной литературе или теории сформировался консенсус, что вычислительная модель познания является устаревшей и незащищаемой в контексте новых знаний, однако в эмпирических исследованиях она, по-видимому, всё ещё доминирует.

Описанные ограничения чаще всего нивелируются путём «внесения поправок» в неизменную в своей основе модель рационального выбора. Например, в поведенческой экономике учитывают когнитивные искажения, склоняющие людей поступать немного не так, как на их месте поступила бы компьютерная программа, максимизирующая полезность, или вводят модели действий, основанные на «эвристиках» — квазирациональных алгоритмах, которыми пользуются люди в реальных ситуациях выбора (в логике «ограниченной рациональности» Герберта Саймона). Однако такие поправки не меняют общей картины, где все события связаны цепочками причинно-следственных связей, а в чётко локализованных узлах этих цепочек лежат принимаемые людьми решения. Развитие событий и все последствия (а также ответственность за них) в таких системах рассматриваются как прямой результат качества этих решений, подобно тому, как выигрыш в шахматной партии зависит от качества ходов игрока.

Удача

Помимо тезиса об избытке и принципиальной когнитивной недостаточности, традиционная концепция выбора сталкивается ещё с одной проблемой, которую с недавнего времени начинают всё активнее обсуждать, — ролью удачи в жизни людей. Современные институты во многом легитимированы и регулируются идеей меритократии. Транслируемый месседж меритократии в упрощённом виде таков: развивай свои способности и навыки, прикладывай достаточно усилий, и ты непременно добьёшься успеха [Son Hing et al. 2011].

Нетрудно убедиться, однако, что достаточно часто это не совсем так, причём даже при очень хорошо отлаженных институтах. Экономист Роберт Фрэнк произвёл ряд несложных математических симу-

ляций, которые, например, показывают следующее: если результат хотя бы на 2% зависит от удачи, а на остальные 98% отражает реальные заслуги, то в состязаниях типа «победитель получает всё» верх одержит в большинстве случаев не сильнейший. Иначе говоря, при прочих равных, даже небольшая доля удачи может существенно повлиять на исход действия. При этом, скорее всего, во многих реальных ситуациях доля влияния удачи на успех гораздо выше, чем 2% [Frank 2016].

Таким образом, скрытая, если не сказать нарочито игнорируемая, роль удачи в жизни имеет выраженные социологические последствия, прежде всего связанные с неравенством. В своём наброске «Социология удачи» Майкл Соудер подчёркивает, что привилегированные и непривилегированные индивиды сильно различаются в способности преодолевать или минимизировать последствия негативных случайностей и, наоборот, пользоваться плодами выпадающих на их долю удач [Sauder 2020]. Средней тяжести автомобильная авария одного оставляет без единственного средства заработка и запускает спираль негативных последствий, тогда как другой, не теряя времени, уезжает с места аварии на предоставленной ему страховой компанией подменной машине (в литературе описаны и куда более драматические последствия мелких случайностей для непривилегированных).

Более того, разрушающе может действовать не только случившаяся неудача, но даже только её угроза, если средств справиться с её последствиями нет. Некоторые социально-когнитивные исследования показывают, что у тех, кто рискует оказаться на улице, если просрочит ближайшую квартплату, постоянный стресс часто снижает когнитивные показатели и заставляет снижать приоритет своих долгосрочных стратегических интересов [Lichand, Mani 2020; Куракин 2020: 194–197]. Про таких людей иногда говорят, что они ведут себя «умно на пенни, но глупо на фунт». Иными словами, речь идёт о когнитивных и культурных основаниях неравенства и принципах осуществления выбора, которые формируются и действуют в сочетании с экономическими и институциональными факторами.

Ранние исследования показывали, что удача воспринимается как фактор успеха среди представителей всех социально-экономических классов [Tan 2004]. Однако по-прежнему не так много исследований, которые могли бы описать существенные различия в восприятии удачи и её роли в успехе представителей разных социальных групп. Чаще всего такие исследования сосредоточены на кейсах конкретных социальных групп в определённой сфере деятельности. Например, исследование элитных сингапурских студентов, которые добились поступления в Оксфорд, показало, что удача воспринимается ими как сопутствующая и заслуженная часть успеха [Ye, Nylander 2021]. В то же время упоминание удачи связано с выражением скромности своих успехов. Анализ интервью с успешными предпринимателями показал, что удача и усердие воспринимаются как равноценные факторы успеха [Lough 2022].

Исследования удачи по-прежнему мало развиты, но наиболее перспективным видится дальнейшее изучение роли удачи в жизни людей — в тех результатах, которые они достигают, и в том, как эти результаты оцениваются и легитимируются. Включение удачи в анализ выбора позволяет увидеть, какие другие обстоятельства способствовали формированию этого выбора, как удача может влиять на мотивацию и усилия человека. Одним из главных исследовательских вопросов остаются социально-экономические условия восприятия удачи.

Социология культуры и неравенства

Многое указывает на то, что нужно поставить под сомнение часть конвенций, составляющих исходную модель выбора, и попытаться отказаться от упрощённого понимания выбора как сознательного одномоментного рационально-калькулирующего акта. Именно это и происходит в последние 10–15 лет в социальных науках.

Исходный импульс в этом отношении принадлежал всё тем же нейрокогнитивным наукам. Благодаря их прогрессу в последние несколько десятилетий выяснилось, что в действительности нейрокогнитивные процессы, связанные с принятием решений, устроены гораздо сложнее, чем предписывала классическая экономическая модель выбора [Lamont, Beljean, Clair 2014; Канеман 2020; Куракин 2020]. Если раньше казалось, что достаточно изучать ситуацию на рынках, полагаясь на предсказуемое поведение рациональных агентов, максимизирующих полезность, то ныне, с учётом новых знаний, возникла необходимость усложнить картину, включив в рассмотрение и когнитивные процессы. Так появилась поведенческая экономика, а в ряде других социальных наук произошли «когнитивные повороты».

Но между мозгом и экономическими институтами пролегают обширные символические и материальные ландшафты, влияние которых на выбор также весьма велико, а их игнорирование может вести к ошибкам [Lamont 2017; Куракин 2020]. Возьмём, к примеру, знаменитый «зефирный эксперимент», в ходе которого выяснилось, что дети, способные не съесть предложенный им зефир сразу и получающие за это через 15 минут второй, в будущем оказались успешнее в жизни [Mischel, Ebbesen 1970; Mischel, Ebbesen, Raskoff Zeiss 1972; Shoda, Mischel, Peake 1990]. По задумке, схема эксперимента включает простую «зефирную экономику» и когнитивную составляющую процесса — способность отложить удовольствие. Как представлялось исследователям, дело лишь в том, обладает ли испытуемый этим ключевым когнитивным навыком (или даже метакогнитивной стратегией), имеющим универсальную позитивную ценность далеко за пределами экспериментальной ситуации. Однако недавний анализ репликации этого эксперимента, проведённый Тайлером Уоттсом и его коллегами, опроверг эти выводы [Watts, Duncan, Quan 2018]. Выяснилось, что если принять во внимание социально-экономический статус родителей испытуемых, их условия жизни и общий уровень развития, то эффект воздействия способности к «отложенному удовольствию» на будущие успехи практически исчезает.

Что же тогда влияет на исход эксперимента? Судя по всему, довольно многое. Социолог Джессика Каларко предполагает, что опыт жизни в обеспеченном или, напротив, бедном домохозяйстве предрасполагает к совершенно разным стратегиям действий. Если обитатели обеспеченных домохозяйств живут в предсказуемом и надёжном мире, преисполненном доверия, то в необеспеченных домохозяйствах хорошо знакомы с экономической нестабильностью, и, вместо того чтобы воображать, как заполучить второй зефир, их может больше заботить, как бы не лишиться первого [Calarco 2018].

Столь разные условия жизни могут приводить и к разным культурным паттернам поведения (в том числе потребительского; это подтверждают многие исследования), и к тому, что сами когнитивные навыки детей формируются по-разному, поскольку они вырабатываются в тесной координации с этими культурными паттернами [Lareau 2011; Abrutyn, Lizardo 2020]. Кроме качественных отличий, благоприятная среда может способствовать более быстрому общему когнитивному и социальному развитию детей.

В свою очередь, авторы другого недавнего эксперимента, проведённого в Китае, предположили, что дети из привилегированных семей могут лучше ориентироваться в «репутационном менеджменте»: их может привлекать не столько само угощение, сколько одобрение экспериментаторов и родителей, связанное с тем, что они успешно справились с задачей [Ma et al. 2020]. Наконец, посмотрев видео, сделанное во время исходного эксперимента, легко убедиться, что в ходе ожидания дети активно взаимодействуют с угощением: играют с ним или, наоборот, отворачиваются от него и используют иные материально-телесные стратегии; наряду с когнитивными, культурными и социальными факторами, эти стратегии тоже являются частью распределённой среды, в которой формируется выбор.

Целый ряд исследований, связанных с влиянием социальной и культурной среды на выбор и стратегии действий людей, начал заполнять пустующее пространство между «экономикой» и «мозгом» [Lamont,

Small, Harding 2010; Lamont, Beljean, Clair 2014; Куракин 2020]. Иными словами, вслед за открытием куда более сложной, чем некогда предполагалось, природы когнитивных процессов постепенно выяснилось, что ситуация мышления и, в частности, принятия решений включает далеко не только мозг действующего, но и культурные системы координат, в которых все объекты мышления приобретают смысл и значимость, а также социальное окружение, формирующее «здравый смысл», и даже тело и материальную среду.

Продвижение в этом направлении недавно привело к быстрому росту социологии культуры и неравенства после многих десятилетий исключённости культурных теорий из исследований неравенства (исторический казус, связанный с этическим провалом понятия «культура бедности» в 1960-е гг., в котором многие усмотрели *victim blaming* — перекладывание вины на пострадавшую сторону [Куракин 2020: 189–192]). Уникальная роль социологии культуры состоит в том, что она, по словам лидера направления Мишель Ламон и её коллег, добавляет в картину отсутствующее звено, соединяя экономические макропроцессы с когнитивными микропроцессами [Lamont, Beljean, Clair 2014].

В результате культурные процессы оказываются в центре ансамбля разнородных процессов, управляющих более сложной, чем часто было принято думать, природой неравенства. Под культурными процессами понимается система общих категорий, классификаций, схем и механизмов, с помощью которых люди воспринимают и придают смысл окружающим событиям. Эти процессы формируют повседневные взаимодействия и приводят к множеству последствий, способных повлиять на распределение ресурсов. Например, Мишель Ламон с коллегами приводит ряд примеров исследований, когда такие культурные процессы, как стигматизация и дифференциация, способствуют воспроизводству неравенства путём скрытого часто даже от самих стигматизаторов навешивания ярлыков на различные социальные группы [Massey 2007; McCall 2013; Lamont 2000]. В то же время такие процессы, как стандартизация и оценка, создают фоновые ограничения, структурируя действия по определённым правилам и тем самым заранее определяя практики и возможности успеха различных групп. В фокусе рассмотрения таких культурных процессов проблема выбора усложняется включённостью во множество контекстов, которые определяют совокупность доступных альтернатив и возможности достижения тех или иных результатов.

Эмоциональное измерение культуры как фронтир изучения выбора и неравенства

Проблематизация по-прежнему подспудно доминирующей в эмпирических исследованиях вычислительной теории познания имеет ещё одно неочевидное, но фундаментально значимое следствие. Речь идёт о связи между культурой и эмоциями. Вычислительная модель подразумевает, что когнитивные и культурные процессы представляют собой передаваемую и преобразуемую культурную информацию; эмоции же если и играют в них роль, то лишь вспомогательную. Например, они могут накладываться на уже готовые культурные смыслы, усиливая их или служа «топливом» (весьма распространённая в социологии метафора применительно к эмоциям) для их воплощения в социальных процессах, но никак не участвуя в их создании.

Распределённая модель познания открывает принципиально иную перспективу: эмоции необходимо рассматривать, заимствуя удачную формулировку у Клиффорда Гирца, как ингредиент, а не аксессуар культуры [Куракин 2020: 202–207]. Действительно, как показано в ряде исследований [Sawyer 2001; 2002; Kurakin 2020a; Rotolo 2022], в контексте новых знаний о когнитивных процессах уместно обратиться к теориям, представляющим культуру в качестве эмерджентного синтеза элементов познания и их распределённых сред. Если так, эмоции нужно рассматривать как неотъемлемый элемент этого синтеза, а культуру — как имманентно включающую эмоциональное измерение.

Не вдаваясь далее в теоретические аспекты проблемы, коротко отметим, что это означает для выбора, неравенства и рациональности. Один из основных механизмов воспроизводства неравенства в образовании — так называемые первичные эффекты неравенства [Boudon 1974; Jackson et al. 2007]: при прочих равных, академические успехи и достижения детей из привилегированных семей выше. В своём знаменитом исследовании Аннет Ларо показала, что характерные способы действия и связанные с ними базовые когнитивные процессы формируются по-разному в семьях среднего класса и рабочего класса [Lareau 2011]. В контексте сказанного выше уместно предположить, что одним из ключевых факторов может выступать аллокация эмоциональных драйверов действия: проще говоря, в привилегированных семьях дети чаще учатся искренне увлекаться интеллектуально-нагруженными проектами, которые помогают им в учёбе (а позже и на рынке труда). Сюда же стоит отнести и некогнитивные навыки, связанные с личным позиционированием, репутационным менеджментом и подобными вещами, в которых эмоциональные компетенции играют ключевую роль. Мы могли убедиться в этом, когда рассматривали новые интерпретации «зефирного эксперимента».

В своих недавних работах Рэндалл Коллинз делает ещё более принципиальный шаг и прямо утверждает, что эмоциональная энергия, которую накапливают привилегированные (через механизмы уважения и признания, о чём много писали исследователи культуры и неравенства [Sennett 2003; Lamont et al. 2016; Lamont 2017]) и чего остро недостаёт непривилегированным, напрямую определяет формирование способностей и успехи в учёбе и карьере: «В верхней части континуума высокая ЭЭ⁷ проявляется в уверенности в себе, инициативе и энтузиазме. В нижней его части индивиды депрессивны, замкнуты и пассивны. Это производит стратификацию, потому что индивиды с высокой ЭЭ склонны к успеху, тогда как индивиды с низкой ЭЭ склонны к провалу» [Collins 2019: 45].

Начиная с классической социологии, эмоции и аффекты часто противопоставлялись рациональности; например, аффективное действие у М. Вебера — противоположность целерациональному. Однако в контексте приведённых здесь аргументов следует уточнить, что уточняющая критика теории рационального выбора вовсе не означает, что люди действуют в основном иррационально; просто эта рациональность устроена сложнее, чем долгое время было принято думать. Она формируется в множественных распределённых взаимно-конституирующих контекстах, каждый из которых вполне поддаётся рациональной реконструкции. Таким образом, связь культурных, когнитивных и аффективных процессов в действии становится важнейшей перспективной проблемой социальной теории.

Заключение: экосистемы выбора как ключевая рамка его понимания

Исходя из формирующейся в современной социологии культуры и познания картины, мы полагаем, что намного продуктивнее думать не об атомарных актах выбора, а о целых «экосистемах», в которых формируется выбор, то есть об устойчивых, локальных, исторически специфичных культурно-когнитивных комплексах, сформированных в конкретных институциональных и экономических ландшафтах. Экосистемы выбора различаются в разных социальных, культурных и институциональных средах, и, чтобы адекватно осмыслить некий выбор, необходимо принимать в расчёт его включённость в эти разнородные контексты.

Экосистемная перспектива позволяет интегрировать как уже существующую критику упрощённого понимания выбора, так и проблематизации, представленные в данной статье, такие как роль удачи и фундаментальные изменения контекста выбора в направлении от дефицита к избытку. При этом в социологической перспективе главным интегральным измерением, различающим разнообразные экосистемы выбора, по-видимому, остаётся неравенство: как правило, привилегированные находятся в

⁷ Под сокращением «ЭЭ» Р. Коллинз подразумевает эмоциональную энергию.

положении, когда их усилия нацелены на долгосрочные выгоды, тогда как непривилегированные утопают в решении острых сиюминутных проблем [Mullainathan, Shafir 2013: 293]. Решение о том, проходить ли ежедневно 10 тысяч шагов, как рекомендует Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), практически никогда не принимается вне контекста множества обстоятельств и является, скорее всего, частью гораздо более обширного стиля жизни, нежели «томарным» выбором, который целесообразно изучать как отдельное событие. Есть такие жизненные ситуации и социальные окружения, когда принятие этого решения практически немыслимо, несмотря на пользу, которую оно способно принести, и социологи давно знают, насколько классово специфичны практики ведения здорового образа жизни [Рощина 2016].

Как отмечает Эбботт, «вероятно, богатство по-настоящему проявляется не столько в наслаждении многими возможностями — благами и услугами, — сколько в отсутствии необходимости тратить время, обдумывая ограничения или сожалея о том, чего нельзя себе позволить» [Abbott 2014: 22]. Весьма характерно, что рынки уже распознали растущую роль экосистем выбора в паттернах поведения людей и создали сообразные такой конструкции выбора среды: «пакетные» архитектуры вроде Spotify или сервисов Amazon либо Яндекс.Плюс, в которых каждый конкретный потребительский выбор управляется скорее накопленным в системе знанием о предшествующем вкусовом поведении индивида, нежели его отдельным осознанным решением.

Можно было бы предположить, что типичные стилевые решения принимаются коллективно, но это верно лишь отчасти: нет никакого социального целого, органа или института, который совершал бы такой выбор. Дождь, который начинается в середине дня и длится до вечера, управляется не единым триггером (если только кто-то не рассеял в небе химикаты, чтобы разогнать тучи перед парадом), а совокупностью разнородных процессов и взаимодействий в атмосфере. Схожим образом и мы принимаем решения, влияющие на наше будущее, не столько путём кратковременных акцентированных усилий воли, сколько воспитывая свой вкус и характер и организуя социальное и материальное окружение и привычки, собирая «ансамбли», а точнее — целые оркестры, в которых «принятию решений» в традиционном смысле слова лишь может принадлежать (а может и не принадлежать) первая скрипка.

Подобно тому как экосистему Земли можно изучать из перспектив разных наук, но удерживая общий «экологический», то есть различающий взаимовлияние многих факторов, взгляд, экосистемы выбора тоже можно изучать по-разному. Здесь нужны и антропологические исследования, создающие высокодетальные и чувствительные к нюансам плотные описания тех или иных сред выбора; и экономические исследования, дающие представления о динамике макросил, довлеющих над людьми и группами; и разнообразные социологические подходы, вскрывающие механизмы выбора и неравенства, и нейрокognитивные эксперименты, проясняющие, как работает мозг. Мы приблизимся к пониманию того, как устроены выбор и неравенство, лишь когда совместим все эти перспективы.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность участникам семинара ЛЭСИ, прошедшего 7 февраля 2023 г., и в особенности дискуссионцам, А. В. Белянину и И. Ф. Девятко, и руководителю семинара, В. В. Радаеву, чьи подробные и обстоятельные комментарии позволили нам сделать текст лучше. Мы также благодарны участникам семинара проекта «Жизненный выбор», прошедшего 1 декабря 2022 г., за плодотворное и полезное для нас обсуждение первой версии текста.

Литература

- Арендт Х. 2000. *Vita activa, или О деятельной жизни*. Перев. с нем. и англ. СПб.: Алетейя.
- Бек У. 2000. *Общество риска: на пути к другому модерну*. Перев. с нем. М.: Прогресс-Традиция.
- Канеман Д. 2020. *Думай медленно, решай быстро*. М.: АСТ.
- Куракин Д. Ю. 2020. Трагедия неравенства: расчеловечивая «тотального человека». *Социологическое обозрение*. 19 (3): 167–231. URL: <https://sociologica.hse.ru/2020-19-3/403294728.html>
- Радаев В. В. 2005. *Экономическая социология*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Радаев В. В. 2022. Кризис в современном преподавании: что именно пошло не так? *Социологические исследования*. 6: 114–124. URL: https://www.socis.isras.ru/index.php?id=9170&page_id=453 www.socis.isras.ru
- Рощина Я. М. 2016. Стиль жизни в отношении здоровья: имеет ли значение социальное неравенство? *Экономическая социология*. 17 (3): 13–36. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-3/183184673.html>
- Соколов М. М. 2019. Элементы социологии досады и сожаления. *Социологическое обозрение*. 18 (4): 9–46. URL: <https://sociologica.hse.ru/2019-18-4/327491242.html>
- Хавенсон Т. Е., Чиркина Т. А. 2018. Эффективно поддерживаемое неравенство Выбор образовательной траектории после 11-го класса школы в России. *Экономическая социология*. 19 (5): 66–89. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-5/228631789.html> www.ecsoc.msses.ru
- Чиркина Т. 2018. Социально-экономическое положение и выбор образовательной траектории учащимися: теоретические подходы к изучению взаимосвязи. *Экономическая социология*. 19 (3): 109–1256. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2018-19-3/219642388.html> www.ecsoc.msses.ru
- Abbott A. 2007. Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology. *Sociological Theory*. 25 (1): 67–99.
- Abbott A. 2014. The Problem of Excess. *Sociological Theory*. 32 (1): 1–26.
- Abrutyn S., Lizardo O. 2020. Grief, Care, and Play: Theorizing the Affective Roots of the Social Self. In: Thye S. R., Lawler E. J. (eds) *Advances in Group Processes*. 37. Bingley: Emerald Publishing Limited; 79–108. URL <https://doi.org/10.1108/S0882-614520200000037004>
- Becker R., Hecken A. E. 2009. Higher Education or Vocational Training? An Empirical Test of the Rational Action Model of Educational Choices Suggested by Breen and Goldthorpe and Esser. *Acta Sociologica*. 52 (1): 25–45.
- Bernardi F. 2014. Compensatory Advantage as a Mechanism of Educational Inequality: A Regression Discontinuity Based on Month of Birth. *Sociology of Education*. 87 (2): 74–88.
- Boudon R. 1974. *Education, Opportunity, and Social Inequality*. New York: Wiley.
- Boudon R. 2003. Beyond Rational Choice Theory. *Annual Review of Sociology*. 29: 1–21.

- Breen R., Goldthorpe J. 1997. Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*. 9 (3): 275–305.
- Calarco J. 2018. *Why Rich Kids Are So Good at the Marshmallow Test*. URL: <https://www.theatlantic.com/family/archive/2018/06/marshmallow-test/561779/>
- Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. 2015. Choice Overload: A Conceptual Review and Meta-Analysis. *Journal of Consumer Psychology*. 25 (2): 333–358.
- Collins R. 2019. Emotional Micro Bases of Social Inequality: Emotional Energy, Emotional Domination and Charismatic Solidarity. *Emotions and Society*. 1 (1): 45–50.
- Diekmann A. 2022. Rational Choice Theory. Heuristic Potential, Applications and Limitations. In: Gërxhani K., Graaf N. D. de, Raub W. (eds.). *Handbook of Sociological Science: Contributions to Rigorous Sociology*. Chateham: Edward Elgar; 100–119.
- Ermakoff I. 2021. On the Frontiers of Rational Choice. In: Benzecry C. E., Krause M., Ariail Reed I. (eds). *Social Theory Now*. Chicago: University of Chicago Press; 162–200.
- Frank R. H. 2016. *Success and Luck*. Princeton: Princeton University Press.
- Goldthorpe J. 1998. Rational Action Theory for Sociology. *British Journal of Sociology*. 49 (2): 167–192.
- Greifeneder R., Scheibehenne B., Kleber N. 2010. Less May Be More When Choosing is Difficult: Choice Complexity and too Much Choice. *Acta Psychologica*. 133 (1): 45–50.
- Hudik M. 2019. Two Interpretations of the Rational Choice Theory and the Relevance of Behavioral Critique. *Rationality and Society*. 31 (4): 464–489.
- Ignatow G. 2022. The Microbiome-Gut-Brain and Social Behavior. *The Journal for the Theory of Social Behaviour*. 52 (1): 164–182.
- Iyengar S. S., Lepper M. R. 1999. Rethinking the Value of Choice: A Cultural Perspective on Intrinsic Motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*. 76 (3): 349–366.
- Jackson M. et al. 2007. Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*. 50 (3): 211–229.
- Khalil E. L. 2017. Socialized View of Man vs. Rational Choice Theory: What does Smith's Sympathy Have to Say? *Journal of Economic Behavior & Organization*. 143: 223–240.
- Kroneberg C., Kalter F. 2012. Rational Choice Theory and Empirical Research: Methodological and Theoretical Contributions in Europe. *Annual Review of Sociology*. 38: 73–92.
- Kurakin D. 2020. Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*. 8 (1): 63–89.
- Lamont M. 2000. *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

- Lamont M. 2017. *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion, and Academic Evaluation. Erasmus Prize Essay*. Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M., Beljean S., Clair M. 2014. What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality. *Socio-Economic Review*. 12 (3): 573–608.
- Lamont M. et al. 2016. *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*. New Jersey: Princeton University Press.
- Lamont M., Small M., Harding D. 2010. Introduction: Reconsidering Culture and Poverty. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. 629 (1): 6–27.
- Lareau A. 2011. *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. 2nd ed. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Lichand G., Mani A. 2020. Cognitive Droughts. *Working Papers*. 341. Zürich: Department of Economics, University of Zürich.
- Lizardo O., Strand M. 2010. Skills, Toolkits, Contexts and Institutions: Clarifying the Relationship between Different Approaches to Cognition in Cultural Sociology. *Poetics*. 38 (2): 205–228.
- Lough B. J. 2022. *Do Founders Attribute Their Success to Skill or Luck?* [Preprint]. URL: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-1600770/v1>
- Lucas S. 2009. Stratification Theory, Socioeconomic Background, and Educational Attainment: A Formal Analysis. *Rationality and Society*. 21 (4): 459–511.
- Ma F. et al. 2020. Delay of Gratification as Reputation Management. *Psychological Science*. 31 (9): 1174–1182.
- Markovits D. 2019. *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. London: Penguin Press.
- Martin J. L. 2010. Life's a Beach but You're an Ant, and Other Unwelcome News for the Sociology of Culture. *Poetics*. 38 (2): 229–244.
- Massey D. 2007. *Categorically Unequal: The American Stratification System*. New York City, NY: Russell Sage Foundation.
- McCall L. 2013. *The Undeserving Rich: American Beliefs about Inequality, Opportunity, and Redistribution*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Mischel W., Ebbesen E. B. 1970. Attention in Delay of Gratification. *Journal of Personality and Social Psychology*. 16 (2): 329–337.
- Mischel W., Ebbesen E. B., Raskoff Zeiss A. 1972. Cognitive and Attentional Mechanisms in Delay of Gratification. *Journal of Personality and Social Psychology*. 21 (2): 204–218.

- Mullainathan S., Shafir E. 2013. Decision Making and Policy in Context of Poverty. In: Shafir E. (ed.). *The Behavioral Foundations of Public Policy*. Princeton: Princeton University Press; 281–297.
- Müller L., Klein D. 2023. Social Inequality in Dropout from Higher Education in Germany. Towards Combining the Student Integration Model and Rational Choice Theory. *Research in Higher Education*. 64 (2): 300–330.
- Newen A., Gallagher S., De Bruin L. 2018. 4E Cognition: Historical Roots, Key Concepts, and Central Issues. In: Newen A., Gallagher S., De Bruin L. (eds). *The Oxford Handbook of 4E Cognition*. Oxford: Oxford University Press; 1–16.
- Osnos E. 1997. Too Many Choices? Firms Cut Back on New Products. *Philadelphia Inquirer*. D1, D7. September 27.
- Raftery A. E., Hout M. 1993. Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975. *Sociology of Education*. 66 (1): 41–62.
- Rotolo M. 2022. Culture beneath Discourse: A Conceptual Model for Analyzing Nondeclarative Cultural Knowledge. *American Journal of Cultural Sociology*. 10 (3): 432–460.
- Sauder M. 2020. A Sociology of Luck. *Sociological Theory*. 38 (3): 193–216.
- Sawyer R. K. 2001. Emergence in Sociology: Contemporary Philosophy of Mind and Some Implications for Sociological Theory. *American Journal of Sociology*. 107 (3): 551–585.
- Sawyer R. K. 2002. Durkheim's Dilemma: Toward a Sociology of Emergence. *Sociological Theory*. 20 (2): 227–247.
- Schwartz B. et al. 2002. Maximizing versus Satisficing: Happiness is a Matter of Choice. *Journal of Personality and Social Psychology*. 83 (5): 1178–1197.
- Sennett R. 2003. *Respect in a World of Inequality*. New York; London: W. W. Norton & Company.
- Shoda Y., Mischel W., Peake P. K. 1990. Predicting Adolescent Cognitive and Self-Regulatory Competencies from Preschool Delay of Gratification: Identifying Diagnostic Conditions. *Developmental Psychology*. 26 (6): 978–986.
- Skagerlund K. et al. 2022. Decision-Making Competence and Cognitive Abilities: Which Abilities Matter? *Journal of Behavioral Decision Making*. 35 (1): 1–18.
- Son Hing L. S. et al. 2011. The Merit of Meritocracy. *Journal of Personality and Social Psychology*. 101 (3): 433–450.
- Tan S. E. 2004 *Does Class Matter? Social Stratification and Orientations in Singapore*. Singapore: World Scientific.
- Thompson R. 2016. Explaining Inequality? Rational Action Theories of Educational Decision Making. In: Mountford-Zimdars A., Harrison N. (eds) *Access to Higher Education: Theoretical Perspectives and Contemporary Challenges*. London: Routledge; 81–89.

- Walby S., Armstrong J., Strid S. 2012. Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*. 46 (2): 224–240.
- Walter S. 2014. Situated Cognition: A Field Guide to Some Open Conceptual and Ontological Issues. *Review of Philosophy and Psychology*. 5 (2): 241–263.
- Watts T. W., Duncan G. J., Quan H. 2018. Revisiting the Marshmallow Test: A Conceptual Replication Investigating Links between Early Delay of Gratification and Later Outcomes. *Psychological Science*. 29 (7): 1159–1177.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. 2018. Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*. 91 (3): 224–241.
- Ye R., Nylander E. 2021. Deservedness, Humbleness and Chance: Conceptualisations of Luck and Academic Success among Singaporean Elite Students. *International Studies in Sociology of Education*. 30 (4): 401–421.
- Zafirovski M. 2018. Rational Choice Theory or Pretense? The Claims, Equivalences, and Analogies of the “Economic Approach to Human Behavior”. *Sociological Spectrum*. 38 (3): 194–222.

NEW TEXTS

Dmitry Kurakin, Ilias Latypov

Ecosystems of Choice: On Some Limitations of Rational Choice Theory and a Strategy for Overcoming Them

KURAKIN, Dmitry—

Candidate of Sociological Sciences (Ph.D.), Leading Research Fellow, the Centre for Fundamental Sociology, Director, the Centre for Cultural Sociology, Professor, Department of Educational Programs at the Institute of Education, HSE University. Visiting Professor at the Department of Sociology and Social Research, University of Trento. Faculty Fellow at the Center for Cultural Sociology, Yale University. Address: 26, Via Giuseppe Verdi, Trento, 38122, Italy.

Email: dukurakin@hse.ru

LATYPOV, Ilias—Lecturer,

Department for Social Institutions Analysis, Intern Researcher, the Center for Cultural Sociology, HSE University. Address: 20 Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

Email: ialatypov@hse.ru

Abstract

This article aims to revise and refine the concept of choice in sociology, primarily in the context of inequality studies. Despite the criticisms and known limitations of rational choice theories, alternative theoretical perspectives on choice often remain marginalized, especially in empirical studies. Recent advances in sociological theory and the sociology of culture and cognition allow problematizing this influential approach, and building a strategy to overcome its limitations. First, traditional approaches to decision-making presume a deficit, whereas excess often dominates within contemporary social life. Second, in addition to rationality and the actions of individuals themselves, choice is often associated with a certain amount of luck. In the studies of inequality, luck emerges as one of the key factors of choice, since the privileged and the unprivileged differ greatly in their ability to overcome or minimize the consequences of setbacks, and conversely to enjoy the fortunate events. A third argument for reconsidering the problem of choice arises from advancements in neuro-cognitive sciences. Numerous studies conducted in recent decades have shown that most of our decisions defy the principles of rational choice theory. The previously dominant computational theory of cognition has been replaced by distributive models that extend cognitive processes beyond the confines of the brain. Finally, contemporary sociological studies of culture and inequality turn their attention to the cultural processes that shape choice and their emotional dimension. The authors conclude with a strategy of going beyond atomic acts of choice to encompass the entire “ecosystems” of choice.

Keywords: choice; inequality; rationality; luck; cognition; culture; emotions; ecosystem.

Acknowledgements

The original op-ed version which formed the basis for this article was published in the online edition of IQ.HSE in 2021 (<https://iq.hse.ru/news/474774462.html>).

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

The authors express their deep gratitude to the participants of the Laboratory for Studies in Economic Sociology seminar held on February 7, 2023, and especially to the debaters Alexis Belianin and Inna Deviatko, and the

head of the seminar Vadim Radaev whose detailed and thorough comments allowed us to make the text better. We are also grateful to the participants of the seminar of the project “Life Choice,” held on December 1, 2022, for the fruitful and useful discussion of the first version of the text.

References

- Abbott A. (2007) Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology. *Sociological Theory*, vol. 25, no 1, pp. 67–99.
- Abbott A. (2014) The Problem of Excess. *Sociological Theory*, vol. 32, no 1, pp. 1–26.
- Abrutyn S., Lizardo O. (2020) Grief, Care, and Play: Theorizing the Affective Roots of the Social Self. *Advances in Group Processes*, vol. 37 (eds. S. R. Thye, E. J. Lawler), Bingley: Emerald Publishing Limited, pp. 79–108.
- Arendt H. (2000) *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita Activa, or On Active Life], St. Petersburg: Aleteyya (in Russian).
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: Towards a New Modernity], Moscow: Progress-Traditsiya (in Russian).
- Becker R., Hecken A. E. (2009) Higher Education or Vocational Training? An Empirical Test of the Rational Action Model of Educational Choices Suggested by Breen and Goldthorpe and Esser. *Acta Sociologica*, vol. 52, no 1, pp. 25–45.
- Bernardi F. (2014) Compensatory Advantage as a Mechanism of Educational Inequality: A Regression Discontinuity Based on Month of Birth. *Sociology of Education*, vol. 87, no 2, pp. 74–88.
- Boudon R. (1974) *Education, Opportunity, and Social Inequality*, New York: Wiley.
- Boudon R. (2003) Beyond Rational Choice Theory. *Annual Review of Sociology*, vol. 29, pp. 1–21.
- Breen R., Goldthorpe J. (1997) Explaining Educational Differentials: Towards a Formal Rational Action Theory. *Rationality and Society*, vol. 9, no 3, pp. 275–305.
- Calarco J. (2018) *Why Rich Kids Are So Good at the Marshmallow Test*. Available at: <https://www.theatlantic.com/family/archive/2018/06/marshmallow-test/561779/> (accessed 4 May 2023).
- Chernev A., Böckenholt U., Goodman J. (2015) Choice Overload: A Conceptual Review and Meta-Analysis. *Journal of Consumer Psychology*, vol. 25, no 2, pp. 333–358.
- Chirkina T. (2018) Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie i vybor obrazovatel'noy traektorii uchaschchimsya: teoreticheskie podkhody k izucheniyu vzaimosvyazi [Review of Theoretical Approaches to the Study of the Relationship between Students' Socio-Economic Status and Educational Choice]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 3, pp. 109–125. doi: 10.17323/1726-3247-2018-3-109-125 (in Russian).
- Collins R. (2019) Emotional Micro Bases of Social Inequality: Emotional Energy, Emotional Domination and Charismatic Solidarity. *Emotions and Society*, vol. 1, no 1, pp. 45–50.

- Diekmann A. (2022) Rational Choice Theory. Heuristic Potential, Applications and Limitations. *Handbook of Sociological Science: Contributions to Rigorous Sociology* (eds. K. Gërkhani, N. D. de Graaf, W. Raub), Chateham; Edward Elgar, pp. 100–119.
- Ermakoff I. (2021) On the Frontiers of Rational Choice. *Social Theory Now* (eds. C. E. Benzecry, M. Krause, I. Ariail Reed), Chicago: University of Chicago Press, pp. 162–200.
- Frank R. H. (2016) *Success and Luck*, Princeton: Princeton University Press.
- Goldthorpe J. (1998) Rational Action Theory for Sociology. *British Journal of Sociology*, vol. 49, no 2, pp. 167–192.
- Greifeneder R., Scheibehenne B., Kleber N. (2010) Less May Be More when Choosing is Difficult: Choice Complexity and too Much Choice. *Acta Psychologica*, vol. 133, no 1, pp. 45–50.
- Hudik M. (2019) Two Interpretations of the Rational Choice Theory and the Relevance of Behavioral Critique. *Rationality and Society*, vol. 31, no 4, pp. 464–489.
- Ignatow G. (2022) The Microbiome-Gut-Brain and Social Behavior. *The Journal for the Theory of Social Behaviour*, vol. 52, no 1, pp. 164–182.
- Iyengar S. S., Lepper M. R. (1999) Rethinking the Value of Choice: A Cultural Perspective on Intrinsic Motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 76, no 3, pp. 349–366.
- Jackson M., Erikson R., Goldthorpe J., Yaish M. (2007) Primary and Secondary Effects in Class Differentials in Educational Attainment: The Transition to A-Level Courses in England and Wales. *Acta Sociologica*, vol. 50, no 3, pp. 211–229.
- Kaneman D. (2020) *Dumay medlenno, reshay bystro* [Think Slowly, Decide Quickly], Moscow: AST (in Russian).
- Khalil E. L. (2017) Socialized View of Man vs. Rational Choice Theory: What does Smith’s Sympathy Have to Say? *Journal of Economic Behavior & Organization*, vol. 143, pp. 223–240.
- Khavenson T., Chirkina T. (2018) Effektivno podderzhivaemoe neravenstvo. Vyor obrazovatelnoy traektorii posle 11-go klassa shkoly v Rossii [Effectively Maintained Inequality: The Choice of Postsecondary Educational Trajectory in Russia]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 19, no 5, pp. 66–89. doi: [10.17323/1726-3247-2018-5-66-89](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-5-66-89) (in Russian).
- Kroneberg C., Kalter F. (2012) Rational Choice Theory and Empirical Research: Methodological and Theoretical Contributions in Europe. *Annual Review of Sociology*, vol. 38, pp. 73–92.
- Kurakin D. (2020a) Culture and Cognition: The Durkheimian Principle of Sui Generis Synthesis vs. Cognitive-Based Models of Culture. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 8, no 1, pp. 63–89. doi: [10.1057/s41290-019-00083-w](https://doi.org/10.1057/s41290-019-00083-w)
- Kurakin D. (2020b) Tragediya neravenstva: raschelovechivaya “total’nogo cheloveka” [Tragedy of Inequality: Dehumanizing “L’Homme Total”]. *The Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 19, no 3, pp. 167–231 (in Russian).

- Lamont M. (2000) *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class, and Immigration*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Lamont M. (2017) *Prisms of Inequality: Moral Boundaries, Exclusion, and Academic Evaluation. Erasmus Prize Essay*, Amsterdam: Praemium Erasmianum Foundation.
- Lamont M., Beljean S., Clair M. (2014) What is Missing? Cultural Processes and Causal Pathways to Inequality. *Socio-Economic Review*, vol. 12, no 3, pp. 573–608.
- Lamont M., Silva G. M., Welburn J., Guetzkow J., Mizrachi N., Herzog H., Reis E. (2016) *Getting Respect: Responding to Stigma and Discrimination in the United States, Brazil, and Israel*, New Jersey: Princeton University Press.
- Lamont M., Small M., Harding D. (2010) Introduction: Reconsidering Culture and Poverty. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 629, no 1, pp. 6–27.
- Lareau A. (2011) *Unequal Childhoods: Class, Race, and Family Life*. 2nd edn, Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Lichand G., Mani A. (2020) Cognitive Droughts. *Working Papers*, no 341, Zürich: Department of Economics; University of Zurich.
- Lizardo O., Strand M. (2010) Skills, Toolkits, Contexts and Institutions: Clarifying the Relationship between Different Approaches to Cognition in Cultural Sociology. *Poetics*, vol. 38, no 2, pp. 205–228. doi: [10.1016/j.poetic.2009.11.003](https://doi.org/10.1016/j.poetic.2009.11.003)
- Lough B. J. (2022) *Do Founders Attribute Their Success to Skill or Luck?* [Preprint]. Available at: <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-1600770/v1> (accessed 4 May 2023).
- Lucas S. (2009) Stratification Theory, Socioeconomic Background, and Educational Attainment: A Formal Analysis. *Rationality and Society*, vol. 21, no 4, pp. 459–511.
- Ma F., Zeng D., Xu F., Compton B. J., Heyman G. D. (2020) Delay of Gratification as Reputation Management. *Psychological Science*, vol. 31, no 9, pp. 1174–1182. doi: <https://doi.org/10.1177/0956797620939940>
- Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*, London: Penguin Press.
- Massey D. (2007) *Categorically Unequal: The American Stratification System*, New York City, NY: Russell Sage Foundation.
- McCall L. (2013) *The Undeserving Rich: American Beliefs about Inequality, Opportunity, and Redistribution*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Mischel W., Ebbesen E. B. (1970) Attention in Delay of Gratification. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 16, no 2, pp. 329–337.
- Mischel W., Ebbesen E. B., Raskoff Zeiss A. (1972) Cognitive and Attentional Mechanisms in Delay of Gratification. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 21, no 2, pp. 204–218.

- Müller L., Klein D. (2023) Social Inequality in Dropout from Higher Education in Germany. Towards Combining the Student Integration Model and Rational Choice Theory. *Research in Higher Education*, vol. 64, no 2, pp. 300–330.
- Newen A., Gallagher S., De Bruin L. (2018) 4E Cognition: Historical Roots, Key Concepts, and Central Issues. *The Oxford Handbook of 4E Cognition* (eds. A. Newen, S. Gallagher, L. De Bruin), Oxford: Oxford University Press, pp. 1–16.
- Osnos E. (1997) Too Many Choices? Firms Cut Back on New Products. *Philadelphia Inquirer*, D1, D7, September 27.
- Radaev V. V. (2022) Krizis v sovremennom prepodavanii: chto imenno poshlo ne tak? [Crisis in the Modern University Teaching: What Went Wrong?]. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 114–124 (in Russian).
- Radaev V. V. (2005) *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Raftery A. E., Hout M. (1993) Maximally Maintained Inequality: Expansion, Reform, and Opportunity in Irish Education, 1921–1975. *Sociology of Education*, vol. 66, no 1, pp. 41–62.
- Roshchina Y. (2016) Stil' zhizni v otnoshenii zdorov'ya: imeet li znachenie sotsial'noe neravenstvo? [Health-Related Lifestyle: Does Social Inequality Matter?]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 3, pp. 13–36. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-3.html> (accessed 4 May 2023) (in Russian).
- Rotolo M. (2022) Culture Beneath Discourse: A Conceptual Model for Analyzing Nondeclarative Cultural Knowledge. *American Journal of Cultural Sociology*, vol. 10, no 3, pp. 432–460.
- Sauder M. (2020) A Sociology of Luck. *Sociological Theory*, vol. 38, no 3, pp. 193–216.
- Sawyer R. K. (2001) Emergence in Sociology: Contemporary Philosophy of Mind and Some Implications for Sociological Theory. *American Journal of Sociology*, vol. 107, no 3, pp. 551–585.
- Sawyer R. K. (2002) Durkheim's Dilemma: Toward a Sociology of Emergence. *Sociological Theory*, vol. 20, no 2, pp. 227–247.
- Schwartz B., Ward A., Monterosso J., Lyubomirsky S., White K., Lehman D. R. (2002) Maximizing versus Satisficing: Happiness is a Matter of Choice. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 83, no 5, pp. 1178–1197.
- Sennett R. (2003) *Respect in a World of Inequality*, New York; London: W. W. Norton & Company.
- Shoda Y., Mischel W., Peake P. K. (1990) Predicting Adolescent Cognitive and Self-Regulatory Competencies from Preschool Delay of Gratification: Identifying Diagnostic Conditions. *Developmental Psychology*, vol. 26, no 6, pp. 978–986.
- Skagerlund K., Forsblad M., Tinghög G., Västfjäll D. (2022) Decision-Making Competence and Cognitive Abilities: Which Abilities Matter? *Journal of Behavioral Decision Making*, vol. 35, no 1, pp. 1–18.

- Sokolov M. (2019) Elementy sotsiologii dosady i sozhaleeniya [Towards a Sociology of Regret]. *The Russian Sociological Review = Sociologicheskoe obozrenie*, vol. 18, no 4, pp. 9–46 (in Russian).
- Tan S.E. (2004) *Does Class Matter? Social Stratification and Orientations in Singapore*, Singapore: World Scientific.
- Thompson R. (2016) Explaining Inequality? Rational Action Theories of Educational Decision Making. *Access to Higher Education: Theoretical Perspectives and Contemporary Challenges* (eds. A. Mountford-Zimdars, N. Harrison), London: Routledge, pp. 81–89.
- Walby S., Armstrong J., Strid S. (2012) Intersectionality: Multiple Inequalities in Social Theory. *Sociology*, vol. 46, no 2, pp. 224–240.
- Walter S. (2014) Situated Cognition: A Field Guide to Some Open Conceptual and Ontological Issues. *Review of Philosophy and Psychology*, vol. 5, no 2, pp. 241–263.
- Watts T. W., Duncan G. J., Quan H. (2018) Revisiting the Marshmallow Test: A Conceptual Replication Investigating Links between Early Delay of Gratification and Later Outcomes. *Psychological Science*, vol. 29, no 7, pp. 1159–1177.
- Yastrebov G., Kosyakova Y., Kurakin D. (2018) Slipping Past the Test: Heterogeneous Effects of Social Background in the Context of Inconsistent Selection Mechanisms in Higher Education. *Sociology of Education*, vol. 91, no 3, pp. 224–241. doi: [10.1177/0038040718779087](https://doi.org/10.1177/0038040718779087)
- Ye R., Nylander E. (2021) Deservedness, Humbleness and Chance: Conceptualisations of Luck and Academic Success among Singaporean Elite Students. *International Studies in Sociology of Education*, vol. 30, no 4, pp. 401–421.
- Zafirovski M. (2018) Rational Choice Theory or Pretense? The Claims, Equivalences, and Analogies of the “Economic Approach to Human Behavior”. *Sociological Spectrum*, vol. 38, no 3, pp. 194–222.

Received: November 18, 2022

Citation: Kurakin D., Latypov I. (2023) Ekosistemy vybora: o nekotorykh ogranicheniyakh teorii ratsional'nogo vybora i strategii ikh preodoleniya [Ecosystems of Choice: On Some Limitations of Rational Choice Theory and a Strategy for Overcoming Them]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 24, no 3, pp. 11–32. doi: [10.17323/1726-3247-2023-3-11-32](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2023-3-11-32) (in Russian).